

Лилик

Лариса

МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК

К-9, ул. Горького д. 5/6

Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты

РАБОЧИЙ КРАЙ

23 МАЯ 1979

г. Иваново

Актер в одном
спектакле

ПОЛЯРНЫЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ

Есть странная притягательность, загадочная и на первый взгляд трудно понятная значительность в появлении на сцене двух девушек — «похожей на ангела» и «совсем не похожей» на него. Появление их почти не обусловлено конкретными обстоятельствами, роли внешкольные и почти эпизодичны, но без них спектакль «Жесткие игры» многое бы потерял. Существует глубинная, сложная связь между ними и важнейшим мотивом пьесы — борьбой света и тьмы, доброго и злого начал в душе человеческой. Ведь недаром А. Арбузов словно невзначай ввел в нее стихи Лермонтова, и сумрачная тень Демона мелькнула и исчезла на фоне современного московского интерьера.

Обе безымянные героини тесно и прямо связаны с Юлием-Каем (первое — имя, второе — полунарипательное прозвище), его душевной смятенностью, противостоянием неверия и надежды. И обеих довелось воплотить одной актрисе. В соотношении полярных противоположностей раскрылись по-новому черты творческой индивидуальности Ларисы Лилик.

Кротость и мягкость лирических героинь для Лилик достаточно обычны. Но здесь лирическая тема проступила в новых созвучиях, «ангельские» качества даны в резко ограниченной форме. Вот она присела в изножье тахты. Смотрит на Кая долгим, грустным, не то сожалеющим, не то вопрошающим взглядом, с ласковой загадочной полуулыбкой. Что-то действительно почти бесплотное в ее медленном, плавном, завораживающем кружении по сцене. Легко заметить, что приходящие в дом не замечают ее присутствия, не включают в общий разговор. Видит, говорит с ней только Кай. Их диалог

по существу мысленный, идущий каким-то дальним планом. Собеседница по-особому чутка, полна внутреннего понимания, хотя одновременно не покидает чувство какой-то непреодолимой дистанции между разговаривающими. Она может быть воспоминанием о «прекрасной женщине в белом», с которой связаны самые светлые ранние страницы жизни Кая. Может и зримо воплощать мечту о том, что придет вот такая нежная, добрая, которой без страха и стыда можно сказать о своих тайных бедах и болях. А, может быть, она все поймет и так. Поэтому диалог полон видимых логических разрывов, паузы в нем порой более насыщенные и содержательные, чем слова. Безмолвное прощание. Она не уходит, а тихо уплывает. Как во сне. Ее нельзя ни изгнать, ни позвать. Придет, когда захочет, и так же покинет неуютное, пустое жилище. Да и была ли она? Прекрасно передала Лилик эту двойственную, зыбкую природу образа-воспоминания, образа-мечты.

Зато вполне реальна другая, на ангела не похожая. Все играет в ином ключе. Первое впечатление — модная девица с претензией на изыск. Но и этот образ с его прочной заземленностью выведен актрисой из чисто бытовой сферы в более широкую. Прежде всего он по-своему раскрывает Кая в других его, уже тяжелых воспоминаниях. Сначала обыгрываются его раздраженные сопоставления названной гостьи с кошкой, обезьяной. Но упорно направляется еще какое-то определение. Пустой взгляд, автоматизм мимики, движений, позы — точно неживая, точно вся на шарнирах. Кукла! Убогий умишко напрягается, чтобы выдать очередную «мысль», толчками вылета-

ют из хорошенького накрашенного ротика фразы, призванные доказать, какие у нее неординарные запросы, какое окружение — золотая молодежь... Однообразием, монотонностью Лилик упорно нагнетает презрение к ничтожеству, возмнившему себя личностью.

Однако есть в роли неожиданный поворот, который позволяет по-новому взглянуть на пошло-смешную девицу: ее внезапная заискивающая суетливость, мольба, обращенная к Кая. Хотя на пригородном парковке хочется прокатиться ей — «всезнающей», «многопытной». И тут приходит мысль о тех спесивых недоумках, которые потешались, всласть поиграли, поселив в неискушенном сознании девчонки претензии на исключительность, интеллектуальность, изувечили ее живую душу. Вдруг вспоминается, что сейчас она одинока и бездомна. Рамки роли раздвигаются, и пошлый фарс открывает свою жестокую изнанку. Комедия перерастает в трагикомедию.

Лилик могла бы продлить момент жалости, сочувствия. Она этого не делает, вновь возвращая непохожую на ангела в первоначальное состояние, к выверенной ее скудным опытом шкале ценностей, по которой реальное познание мира заменено пустопорожним вздором. Процесс духовного опустошения зашел слишком далеко. В погоне за мимурой просмотрено главное.

Две роли Лилик прочертили в спектакле свой ясно видимый сквозной след. Они многогранны, богаты оттенками, открывают простор для ассоциаций, существенны для осмысления драматического и психологического конфликтов пьесы во всей их полноте.

Н. ТАРШИШ.